

Эфраим Шприц

По специальности инженер-физик. В Израиль репатриировался из Киева. Печатается в литературно-художественных изданиях. Лауреат Международных конкурсов поэзии (2007 - 2009г).

Лирические стихи

★ ★ ★

По И. Бродскому

И с душою,
тогда ещё вроде безгрешной,
и не в этом,
а в прошлом столетье (и зре),
не похожий на дикого зверя,
конечно,
я не в клетку входил,
а в дубовые двери.
И встречало меня перегаром,
не винным,
а обычным,
но непроветренным духом
существо с человеческим ликом –

не львиным –
с карандашиком
за оттопыренным ухом.
Я ступал на ковёр –
не борцовские маты,
наливалась кровью
застольная шея,
и, как данностью,
пунктом отверженный пятым,
каждый раз
я звездой награждался еврея.
И по левую,
и по правую руку увешан,
эти звёзды менял
иногда на алтыны,
был всегда и во всём я
успешно замешан
и о теле не думал –
жил духом единым.
Но сумел я остаток
сберечь от потери,
чтоб земные его
не смели круговерти,
от которого душу свою
согреваю теперь я,
без которого жизнь изначально
подобна есть смерти.

★ ★ ★

По К. Бальмонту

В шелесте листьев столетнего дуба,
в струях дождя, поливающих землю,
грусть и печаль различаю сугубо,
просто всему остальному не внимлю.
Но если услышу я голос ребёнка
в спектре, дотоле глухом,
безъязыком,

он заполняется мощно и звонко
«да здравствует жизнь!» -
торжествующим криком.

★ ★ ★

По В. Хлебникову

Если б только мог я, то ниже потолка
опустил бы небо и с небом – облака.
Мог бы, просыпаясь, или на закате
облака ласкать я, лёжа на кровати.
Зажигал бы звёзды, словно лампионы,
лёгкие наполнил бы, как мячи, озоном.
Но вслед за Велемиром
лишь шепчу пока:
«Мне бы это небо да эти облака»...

★ ★ ★

По Я. Смелякову

«Если я заболею,
к врачам обращаться не стану»,
в турбюро с кругосветкой
возьму напрокат Южный Крест
и, свернув с Де-ла-Росы,
пронесу по всему океану
мимо Африки
и других замечательных мест.
Чтобы воздух прибрежный
вдыхать, от безветрия пьяный,
то, что в детстве лишь снилось,
увидеть смогу наяву,
и совсем мне не нужно,
чтобы взрывались вулканы
и валили голодные прайды
антилоп на траву.
Но, когда станут дни, словно казни,
и невыносимыми ночи,

Южный Крест я обратно
бездонному небу верну.
Обращусь к Океану я:
- Приюти меня, отче.
Знаю: он не откажет. Я в него
под Полярной звездой нырну.

★ ★ ★

По Н. Гумилёву

На высотах жизни безымянных
пульс уже не чувствовал я, но
свежим ветром стало сердце пьяно
и стучит, как в юности, оно.

Кровью наполняется аорта,
кислородом солнечного дня.
Ветер с моря –
лишь такой наркотик
существует в мире для меня.

Он летит сквозь дали и границы,
наполняет сердце и простор,
мои мысли, как шальные птицы,
мечутся ему наперекор.

И шепчу я потолку и стенам:
- Что ж ты, ветер, веять перестал?
Заблудился где-то во Вселенной
или просто выдохся, устал?

★ ★ ★

Из У. Одена

Мы – твой приход и твой расход,
мы – тьма твоя и свет,
мы – тот, кто впереди идёт,
и кто идёт вослед.

Мы – путь, ведущий в никуда,
и – верная стезя,
мы – твоё «нет» и твоё «да»,
и «можно», и «нельзя».

И наслаждение, и боль,
сомнение и приказ,
мы – твой диез и твой бемоль,
и тормоз твой, и газ.

Мы – твой покой и суета,
и время, и песок,
твоя догука и мечта,
твой Запад и Восток.

Мы порознь, каждый по себе,
но мы всегда с тобой!
Я – ангел твой, и я – твой бес,
нас двое, дорогой!

★ ★ ★

По В. Ходасевичу

Как просто всё. Дорога среди леса,
два путника печальные на ней:
поэт на караковом скакуне,
на жеребце арабском поэтесса.

Томится солнце, собираясь сесть,
с собой на запад увлекая тени.
Но прячут сосны в хвое
луч осенний,
и «зайчик солнечный» -
то нет его, то есть.

★ ★ ★

Есть в мире то,
что, в самом деле, свято

и что, наверно, женские уста
великолепным нарекли когда-то,
по-русски если – словом «доброта»
И женского оно не даром рода,
чей крест земной –

любить, рожать, растить...

Без доброты ни одного народа,
я знаю точно, не могло бы быть.

Сонет

Быть может, в дюнах ангелы живут
и над прибором в темноте летают,
их лунные дорожки отражают,
и тени их не тонут, а плывут.

А море удаляется от суши
и к небу устремляется волной,
и вовсе то не ангелы, а души,
уставшие от юдоли земной,

от вечной ветра с волнами игры
и звёздного бесстрастного бессилья.
Не ангелы, но складывают крылья,
и дюны днём их прячут от жары.

А ночью повторяется маршрут.
Ведь наши души в ангелах живут.

★ ★ ★

Завидую я тем, кто на японском
и языке пигмеев говорит,
и русский переводит на иврит.
Но мне удобней на довавилонском,
без правил и грамматик, языке.
Безлунными ночами он мне снится,
и не на нём ли разговаривают птицы
и камыши на дремлющей реке?

★ ★ ★

Иду и шаги считаю,
туда и обратно – сто.
Туда – шестая Ямская,
обратно – окошко то.

Где бликов светлые пятна,
и крошечная темнота,
но каждый раз я обратно
иду, досчитав до ста,

туда, где троллейбус пятый,
обратно – звонок глухой...
Считаю шаги на проклятой,
проклятой дорожке той.

★ ★ ★

На смену лету – осень,
на смену свету – мгла,
а крылья птицы просят
простора и тепла.

Тогда пустеют гнёзда,
и бывшие птенцы
летят навстречу солнцу,
откуда их отцы,

туда, где Юг алеет,
оставив Север тут,
и на лету взрослеют,
и на лету растут.

А по утрам морозно,
и ветры без границ
срывают с веток гнёзда,
свободные от птиц.

★ ★ ★

Гранат, что не сорван был
в Рош-а-Шана,
лимон, что как будто
последний на свете...
Жару исподволь забывает страна,
холодные ночи жалеют о лете.

Стучит одинокое сердце в груди,
на море табу карантинного флага,
и, как на разведку, приходят дожди,
ленивого ветра обманная влага.

★ ★ ★

В нём не бывает зимней стужи,
в краю, в котором я живу.
И даже маленькие лужи
я «зимним» временем зову.

Когда сквозь сумраки дневные
прохладу впитывает грудь,
и тучи серые – чужие,
и солнце хочется вернуть.

★ ★ ★

Мне дорог мысли окрылённой
и звёздных россыпей язык,
его прочувствовав законы,
от «низкой» прозы я отвык.

И как же многое постыло
мне в мире нынешнем моём,
где лишь угасшие светила
со мною делятся теплом!

★ ★ ★

В дымке, от береговой черты
море прячет сонных волн мерцанье.
Так и ты, своё очарованье
прячешь под покровом темноты.

Но не знаешь, как я терпелив.
Мне не нужно ни луны, ни света.
Ты проснёшься, в полумрак одета, –
станет утром голубым залив.

★ ★ ★

Мы в колокольчики
друг другу позвоним,
и каждый выглянет
в своё окно напротив,
и звук прервётся на дрожащей ноте,
и наша отчуждённость – вместе с ним.

Мы в колокольчики
друг другу позвоним,
мобильники поставив на зарядку.
И далее пойдёт всё по порядку –
по правилам неписанным своим.

★ ★ ★

Наш путь земной ничем не обозначен.
И, уплывая к берегам чужим,
мы следуем предчувствиям своим
и смутным ожиданиям удачи.

Но если на берегах чужой земли
мы видим вновь покинутое прежде,
мы всё же шанс опять даём надежде
и снова снаряжаем корабли.

★ ★ ★

Всего три краски из семи
в моей палитре экономной.
Одна – любовь рисует томной
и нежной – голосом твоим,
другая – влажными губами
рисует страсть за облаками,
а третья – цвет её незрим –
измены сладковатый дым.

★ ★ ★

Никто не помнил больше снов,
чем зимние глухие ночи
в гостинице беззвёздной «Сочи»
в разгар сибирских холодов,
в разгар шести-семидесятих
командировочных годов.

А ночи зимние Эйлата
мне не рассказывают снов.

«ЛитОвские» мотивы

Остров печали

*В закатный час жемчужным молоком
застыл залив, безбрежный и печальный.
И Галь*

1

Серел залив. Из облачного крана
лилось на пляж пустынный молоко.
Был полный штиль.

В душе моей нирвана,
и все проблемы мира далеко.
Кричали чайки резко и сварливо,
и, как порой предчувствие в груди,
на полотно уснувшего залива
накатывались волны-бигуди.

2

О берег высокий споткнулась волна,
на слёзы рассыпались тёмные дали,
но высохли слёзы, и в остров печали
по имени «И» превратилась она.

Закат её нежным ласкает лучом,
и ночи приходят по лунным дорожкам,
солёные брызги жемчужною крошкой
блестят на таинственном острове том.

Над островом тем журавлиная стая
кружится кругами, на Юг улетаю,
и парус в тумане по курсу норд-ост,
и радугой в небо закинутый мост,

и белое облако – остров печали –
по радуге снов возвращается в дали.

Ханука

Зима. И Ханука. Декабрь...

С. Бабин

Зима листает календарь...
Июнь, июль, и осень где-то,
а где-то отшумел ноябрь,
и небо вновь такого цвета,
как будто плавится янтарь.

И солнца полудённый жар,
и Храм Исы из Назарета,
и семисвечный канделябр
в окне напротив минарета,
и, так похожая на лето,
зима. И с Ханукой – декабрь.

Я будто ощущаю...

Я будто ощущаю зримо,
согласно Богу и наукам,
как время проплывает мимо
моих, увы, немногих внуков.

.....
Ведь то,
что в будущем лишь времени,
и то, что в прошлом или ныне, –
таилось в первородном семени
в еврейском штетле на Волыни.
Когда понятия «СССР»
в проекте не было. А было
то, что козу свою Эстер
там, где спала, там и доила.
И десяти голодным ртам,
надеясь привезти удачу,
затаскивал Герш по утрам
в оглобли старенькую клячу.

Когда, увидев свет в окне,
себя почувствовав вольготней,
Абраша на лихом коне
командовал казачьей сотней.
Когда, уже почти теперь,
после военного кошмара,
таскали Мотла в ту же дверь,
что его деда-комиссара.
Когда дорожные огни –
отнюдь не хлопьями метели –
гасились душами они,
которые на свет летели.

.....
А вечность в семени одном
таким кодировалась сроком,
что до сих пор код не знаком
жрецам, учёным и пророкам.